

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-450-466

EDN: YTXPEV

Научная статья / Research article

Австралийско-китайские отношения в свете нарратива вмешательства: конфронтационная секьюритизация

А.А. Киреева

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 a.kireeva@my.mgimo.ru

Аннотация. Согласно теоретическим исследованиям, вмешательство во внутренние дела и даже подозрения в такого рода действиях приводят к негативным последствиям как для межгосударственных отношений, так и для внутренней политики стран, усиливая поляризацию политической системы и общества ввиду секьюритизации трансграничных связей с предполагаемым инициатором вмешательства. Исследование проверяет эти положения на примере реакции правительства и общества Австралии на совокупность явлений, которые в 2017 г. стали позиционироваться Канберрой как попытка воздействия Китайской Народной Республики (КНР) на внутреннюю политику страны. Автор ставит целью ответить на вопрос, какие последствия имели обвинения в иностранном вмешательстве КНР во внутренние дела Австралии для двусторонних отношений и австралийской политики. Установлено, что риторика о китайском вмешательстве во внутренние дела Австралии возникла в публичном дискурсе как комплексная проблема, включающая нежелательное влияние не только на политику, но и на общество, экономику и информационную сферу. Именно это стало поворотным внутривнутриполитическим событием, которое привело к существенной эрозии доверия, значительному усилению негативного отношения в австралийском обществе к Китаю и запустило процесс ужесточения австралийской политики в отношении КНР на фоне роста геополитической напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Произошла секьюритизация трансграничных связей с КНР, которые стали рассматриваться Австралией как потенциальные каналы влияния Пекина на политические, общественные и экономические процессы в стране. В результате этих событий и иных внешнеполитических факторов произошло серьезное ухудшение австралийско-китайских отношений. Правительство Австралии приняло ряд оперативных и жестких мер, в том числе первым приняло обширное специализированное законодательство по противодействию иностранному вмешательству. Произошла инструментализация проблемы вмешательства, использовавшейся в политической борьбе, преимущественно со стороны Либеральной партии. В то же время существенной поляризации политической системы и электората не произошло. Итогом стал широкий общественный и межпартийный консенсус по поводу необходимости повышения надзора за связями с Китаем и создания эффективной системы противодействия иностранному вмешательству. Австралийский пример демонстрирует, что инструментализация обвинений во вмешательстве в странах с либерально-демократическим режимом необязательно приводит к поляризации, а, наоборот, может способствовать формированию внутривнутриполитического консенсуса на почве борьбы с внешним врагом.

Ключевые слова: выборы, Азиатско-Тихоокеанский регион, Китайская Народная Республика, КНР, китайско-австралийские отношения, США

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00723, <https://rscf.ru/project/22-18-00723/>. Автор выражает благодарность И.А. Истомину и анонимным рецензентам за ценные комментарии и рекомендации.

© Киреева А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Киреева А. А. Австралийско-китайские отношения в свете нарратива вмешательства: конфронтационная секьюритизация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 450–466. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-450-466>

The Interference Narrative in Australia — China Relations: Towards Confrontational Securitization

Anna A. Kireeva

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 a.kireeva@my.mgimo.ru

Abstract. Theoretical research indicates that foreign interference, and even allegations thereof, cause long-term negative effects: they erode trust, damaging the bilateral relationship, and lead to a greater polarization of the political system and society due to the securitization of the relationship with the presumed interferer. The article examines the case of how the Australian government and society have reacted to the perceived attempts of interference by the People’s Republic of China (PRC). It tests theoretical hypotheses by answering the question of what are the implications of the above-mentioned issue for Australia — China relations and Australia’s politics. The study has identified that the rhetoric about foreign interference by the PRC into Australia’s internal affairs has been publicly attributed to a complex of attempts at unwanted influence not only in politics but also in other domains such as society, economics, education and mass media. This issue served as a critical juncture in initiating a downward trend in bilateral relations by significantly eroding Australia’s trust in China and public opinion about it as well as by prompting the Australian government to reassess its policy vis-à-vis the PRC against the background of challenging geopolitical landscape of the Asia-Pacific. The securitization of cross-border links with China has become a notable phenomenon. As a result of these events as well as other foreign policy factors, Australia — China relations deteriorated significantly. The Australian government promptly took a hard stance against the perceived foreign interference, becoming the first to adopt a special legislation to combat it. This issue was instrumentalized in political competition, especially by the Liberal Party of Australia. However, there has been no polarization of the Australian political system and society. The result has been a broad public and bipartisan consensus on the need for a greater transparency and public scrutiny over the links with China, as well as the establishment of an effective system to counter foreign interference. The Australian case demonstrates that the instrumentalization of the interference issue may lead not to a polarization but, on the contrary, to a domestic consensus over standing up to a perceived threat.

Key words: elections, Asia-Pacific, People’s Republic of China, PRC, Chinese-Australian relations, the United States, USA

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00723, <https://rscf.ru/project/22-18-00723/>. The author would like to express her gratitude to I.A. Istomin and anonymous reviewers for their valuable insights and recommendations.

For citation: Kireeva, A. A. (2024). The interference narrative in Australia — China relations: Towards confrontational securitization. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 450–466. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-450-466>

Введение

Вслед за возросшим вниманием к проблеме иностранного вмешательства во внутренние дела других государств в 2010–2020-х гг. сформировался консенсус по поводу того, что цифровые технологии привели к появлению новых форм и методов данного явления, значительно расширивших его охват и

масштаб, и либерально-демократические режимы оказались особенно уязвимы перед ним (Dowling, 2021).

Согласно имеющимся исследованиям, вмешательство во внутренние дела и даже подозрения в такого рода действиях приводят к негативным последствиям как для межгосударственных отношений, подрывая доверие

и ухудшая отношения общества к предполагаемому инициатору, так и для внутренней политики стран, усиливая поляризацию политической системы и общества ввиду секьюритизации трансграничных связей с предполагаемым инициатором вмешательства (Tomz & Weeks, 2020; Istomin, 2022). Вопрос о возможном вмешательстве часто эксплуатируется политиками в их стремлении удержаться у власти, особенно если существуют предположения о том, что в рамках такого вмешательства планировалось привести к власти их конкурентов внутри страны. В результате принимаются особенно жесткие меры (Wohlforth, 2020; Istomin, 2023). Кроме того, риторика о вмешательстве нередко используется для дискредитации политических оппонентов.

В исследовании обоснованность утвердившихся в литературе выводов относительно дестабилизирующих последствий секьюритизации проблемы вмешательства проверяется с опорой на опыт Австралии. Со второй половины 2010-х гг. в австралийском дискурсе широкое распространение получил тезис о китайском вмешательстве. В ходе последующего анализа будет рассмотрено влияние этих обвинений на динамику внутренней политики Австралии и ее отношений с Китайской Народной Республикой (КНР). При этом имеющихся в открытом доступе в настоящий момент данных недостаточно для оценки обоснованности подозрений Канберры в отношении Пекина. В связи с этим вопрос о том, действительно ли КНР совершала действия, которые могут быть квалифицированы как вмешательство, в статье в принципе не рассматривается. В фокусе анализа находится секьюритизация трансграничных связей, в том числе на общественном уровне, и ее влияние на межгосударственные отношения, а также внутреннюю политику Австралии.

Австралийский кейс выделяется масштабом и остротой выдвигаемых обвинений, а также оперативностью реакции со стороны правительства. Австралия стала первой страной, принявшей комплексное законодательство по противодействию иностранному вмешательству (Medcalf, 2019; Köllner, 2021).

Дополнительную репрезентативность примеру Австралии придает характер ее политического режима и предшествующий опыт отношений с КНР. В Австралии сложилась высококонкурентная партийная система, построенная вокруг соперничества Лейбористской партии и коалиции Либеральной и Национальной партий (ЛНК). Наличие двух основных противоборствующих сил и их регулярная сменяемость порождают тенденцию к политической поляризации, в отличие от систем с множеством мелких партий или одной доминирующей политической силой, а федерализм предполагает наличие достаточно высокой степени автономии штатов в пределах их компетенций. Как отмечали эксперты, открытость системы предоставляла больше возможностей для вмешательства и оказания влияния, а законодательство делало Австралию особенно уязвимой для внешнего вмешательства в выборы из-за отсутствия запрета на пожертвования со стороны иностранных граждан¹.

При этом, несмотря на наличие альянса с США, до середины 2010-х гг. Канберра вне зависимости от находящейся у власти администрации активно и прагматично развивала сотрудничество с КНР. Особенно успешно взаимодействие укреплялось в период правления Лейбористской партии (2007–2013 гг.). В 2014 г. при коалиционном кабинете, возглавляемом Либеральной партией, были провозглашены отношения всеобъемлющего стратегического партнерства². В Австралии проживает активная китайская диаспора с долей порядка 5,5 % населения страны, а экономические отношения, гуманитарные и образовательные обмены, а также туристический поток из КНР стали играть большую

¹ Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 32. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

² Cook M. Australia's Second China Challenge // ISEAS Perspective. 2018 (April 10). No. 20. P. 3. URL: https://www.academia.edu/36373219/Australias_Second_China_Challenge (accessed: 06.11.2023). См. также: (Graham, 2023, pp. 16–18).

роль для Австралии в качестве значимого источника доходов, что привело к очень высокому уровню экономической зависимости от Китая в сфере торговли товарами и услугами (Гарин, 2021, с. 209–210; Köllner, 2021, p. 408; Graham, 2023, p. 16).

Статья структурирована следующим образом. В первом разделе приводятся результаты теоретических исследований, посвященных вопросу последствий вмешательства для двусторонних отношений и внутренней политики. Во второй части рассматривается становление нарратива о китайском вмешательстве в Австралии. В третьем разделе анализируются два типа последствий: для австралийской политики, включая меры правительства страны по противодействию вмешательству, а также для двусторонних отношений.

Теоретическое осмысление проблемы иностранного вмешательства во внутренние дела и его последствий

Теоретические исследования демонстрируют, что вмешательство является сущностно неопределимым концептом, который может включать в себя множество различных явлений, однако не обладает четкой и однозначной дефиницией по причине «неясности, размытости и изменчивости описываемого явления» (Истомин, 2023, с. 122). Как отмечает И.А. Истомин, под вмешательством понимается «разновидность осознанного внешнеполитического действия принудительной направленности» (Истомин, 2023, с. 130). В узком понимании вмешательство предполагает действия в отношении лиц, которые находятся у власти (Истомин, 2023, с. 133). Вмешательство также может рассматриваться как часть межгосударственного противоборства, обладающего собственной «лестницей эскалации» (Сучков, 2024).

Государства очень остро реагируют на подозрения относительно вмешательства во внутреннюю политику со стороны внешних сил, так как, в отличие от других способов внешнего давления (политические заявления, санкции, военные демонстрации), такого рода деятельность направлена непосредственно на

интересы политических элит и возникающие риски не могут быть перераспределены на другие слои общества. Политические элиты крайне чувствительны к угрозам собственного политического выживания, поэтому они имеют склонность очень остро реагировать на предполагаемое вмешательство (Istomin, 2023, pp. 111–113), особенно со стороны их противников. Поскольку вмешательство в выборы в большинстве случаев имеет реальное влияние на их результаты (усредненный показатель увеличения голосов, согласно исследованиям Д. Левина, — 3 % (Levin, 2020)), происходит политизация этой проблемы и ее инструментализация для получения электоральных преимуществ. Обвинения во вмешательстве также могут быть использованы для дискредитации конкурентов как проводников воли зарубежных спонсоров, а не национальных интересов, примером чего являются обвинения в сговоре с Россией со стороны Демократической партии США в пользу Дональда Трампа в 2016 г.

Описываемая логика дестабилизирующего влияния обвинений во вмешательстве отражается в феномене секьюритизации — представлении какого-либо сюжета в качестве угрозы безопасности, сформулированном представителями Копенгагенской школы (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998). Секьюритизация трансграничных связей с предполагаемым инициатором вмешательства провоцирует ужесточение политики в отношении него и принятия экстренных мер, которые были бы недоступны в режиме обычной политики. Она подрывает доверие и двустороннее сотрудничество (Wohlforth, 2020, p. 469; Istomin, 2022, pp. 1678, 1693–1694).

В зрелых демократических системах население крайне негативно реагирует на вмешательство в выборы, которое, как предполагается, оказывает реальное влияние на их результаты. Уровень неодобрения населением вмешательства в электоральный процесс зависит от его степени: относительно невысокий в случае, если иностранное государство выражает свои предпочтения касательно той или иной политической силы, значительный — в случае вербальных угроз со стороны

иностранным государством и действительно высокий — в случае проведения реальных действий по вмешательству — финансирование кампаний, распространения информации или взлома электоральной системы. Вмешательство также способствует большей поляризации электората тогда, когда разногласия уже существуют (Tomz & Weeks, 2020, pp. 7–9, 15–16).

Ключевым для данного исследования является вывод, что сами обвинения во вмешательстве приводят не только к глубокому недоверию в отношениях между государствами, но и к обострению общественно-политической ситуации в стране, выдвигающей подобные обвинения.

Становление риторики о китайском вмешательстве в Австралии

Обвинения в адрес Пекина относительно попыток вмешательства во внутренние дела Австралии стали распространяться с июня 2017 г., когда Австралийская телерадиовещательная корпорация (*Australian Broadcasting Corporation*, ABC) показала серию ТВ-передач в рамках программы *Four Corners*, представляющих результаты журналистского расследования, проведенного совместно с *Fairfax Media*³. Авторы программы утверждали, что КНР и даже непосредственно Коммунистическая партия Китая (КПК) стремится через своих агентов оказать влияние на австралийских политиков, политические партии и китайских студентов в Австралии с тем, чтобы они поддерживали политику Пекина. Эти программы вызвали широкий общественный и политический резонанс. Они способствовали публичному обсуждению уже существовавших ранее подозрений, формируя картину масштабной и системной кампании по воздействию на австралийскую политику, инспирированной извне⁴. Опасения в разведыва-

³ Schulz T. Power and Influence — Four Corners // Vimeo. June 5, 2017. URL: <https://vimeo.com/279445142> (accessed: 06.04.2024).

⁴ Cook M. Australia's Second China Challenge // ISEAS Perspective. 2018 (April 10). No. 20. P. 4. URL: https://www.academia.edu/36373219/Australias_Second_China_Challenge (accessed: 06.11.2023). См. также: (Graham, 2023, p. 22).

тельном сообществе страны существовали и до этих событий, а в 2016 г. правительство Австралии поручило разведывательным службам подготовить закрытый доклад по поводу внешнего вмешательства (Medcalf, 2019, p. 119). За журналистским расследованием последовал целый ряд публикаций СМИ, исследовательских институтов и отдельных ученых⁵.

В качестве ключевого механизма осуществления китайского влияния был обозначен Патриотический единый фронт китайского народа (сокращенно — Единый фронт) — объединение КПК, Всекитайской федерации промышленности и коммерции и остальных формально существующих в КНР партий под руководством Отдела Единого фронта Центрального комитета (ЦК) КПК⁶. Деятельность Единого фронта позиционировалась в телепрограммах и вышедшем в 2020 г. докладе Австралийского института стратегической политики (*Australian Strategic Policy Institute*, ASPI)⁷ как осуществляемая с помощью различных посредников и агентов влияния: общественных организаций, студенческих коллективов, ассоциаций, этнических китайцев, журналистов, исследовательских групп, ведущих дела с Китаем бизнесменов, развед-

⁵ См.: Cook M. Australia's Second China Challenge // ISEAS Perspective. 2018 (April 10). No. 20. URL: https://www.academia.edu/36373219/Australias_Second_China_Challenge (accessed: 06.11.2023); Joske A. Picking Flowers, Making Honey. The Chinese Military's Collaboration with Foreign Universities // Australian Strategic Policy Institute Policy Brief. 2018. No. 10/2018. URL: <https://www.aspi.org.au/report/picking-flowers-making-honey> (accessed: 06.04.2024); Joske A. The Party Speaks for You. Foreign Interference and the Chinese Communist Party's United Front System // Australian Strategic Policy Institute Policy Brief. 2020. No. 32/2020. URL: <https://www.aspi.org.au/report/party-speaks-you> (accessed: 06.04.2024); Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024). См. также: (Hamilton, 2018; Taking the Low Road..., 2022).

⁶ Joske A. The Party Speaks for You. Foreign Interference and the Chinese Communist Party's United Front System // Australian Strategic Policy Institute Policy Brief. 2020. No. 32/2020. P. 3–9. URL: <https://www.aspi.org.au/report/party-speaks-you> (accessed: 06.04.2024).

⁷ Ibid.

Сэма Дастьяри. 17 июня 2016 г. сенатор дал пресс-конференцию для китаеязычных СМИ и заявил, что Австралия не должна вмешиваться в конфликт в Южно-Китайском море (ЮКМ), уважая китайскую позицию, и оставаться нейтральной¹³, что в корне отличалось от позиции Лейбористской партии¹⁴. Как впоследствии утверждалось, Хуан Сянмо помог С. Дастьяри покрыть расходы на юридические услуги суммой в 5 тыс. долл. США, а другой китайский бизнесмен, также член Единого фронта, помогал оплачивать его поездки, когда отведенные парламентом средства на эти цели были исчерпаны¹⁵. Кроме того, в СМИ появилась информация, что в 2016 г. Хуан Сянмо хотел использовать свое обещание пожертвовать 400 тыс. австралийских долл. в предвыборный фонд Лейбористской партии, пытаясь повлиять на политику Лейбористской партии в отношении конфликта в ЮКМ и угрожая отменить взнос

¹³ См.: Tillet A. Chinese Political Influence Sparks Espionage, Foreign Interference Law Changes // The Australian Financial Review. June 6, 2017. URL: <https://www.afr.com/politics/chinese-political-influence-sparks-espionage-foreign-interference-law-changes-20170606-gwl5ue> (accessed: 06.04.2024); Joske A. The Party Speaks for You. Foreign Interference and the Chinese Communist Party's United Front System // Australian Strategic Policy Institute Policy Brief. 2020. No. 32/2020. P. 20–24. URL: <https://www.aspi.org.au/report/party-speaks-you> (accessed: 06.04.2024); Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 7–8. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

¹⁴ См.: Chan G. Sam Dastyari Contradicted South China Sea Policy a Day After Chinese Donor's Alleged Threat // The Guardian. June 5, 2017. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2017/jun/05/sam-dastyari-contradicted-south-china-sea-policy-a-day-after-chinese-donors-alleged-threat> (accessed: 10.07.2024); Yaxley L. Election 2016: Federal Labor Would Green-Light South China Sea Military Exercise: Conroy // ABC. June 16, 2016. URL: <https://www.abc.net.au/news/2016-06-16/labor-would-approve-south-china-sea-military-exercise/7518330> (accessed: 06.11.2023).

¹⁵ Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 8–9. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

в случае отказа партии занять прокитайскую позицию¹⁶.

Также имели место информационные и политические кампании в отношении отдельных политиков. Одним из примеров стала избирательная кампания в ходе дополнительных выборов федерального уровня в округе Беннелонг в штате Новый Южный Уэльс в 2017 г. В ходе предвыборных мероприятий было распространено анонимное письмо, адресованное австралийцам китайского происхождения, призывающее голосовать против кандидата от Либеральной партии Джона Александра. Похожие заявления можно обнаружить и в местных китаеязычных СМИ¹⁷. В качестве другого примера приведем жесткую критику со стороны Лейбористской партии в адрес представителя Либеральной партии Глэдис Лиу, избранной в 2019 г. депутатом от штата Виктория, по поводу того, что она не придавала публичности факт своего членства в организациях, связанных с КПК и Единым фронтом¹⁸.

Во-вторых, звучали обвинения в проведении *информационных кампаний, нацеленных на системное изложение прокитайских взглядов в австралийских СМИ*. Журналисты и исследователи утверждали, что Китай проводит целенаправленную линию, включающую скупку медиа-активов и коммерческое давление через рекламодателей на редакционную политику, с целью продвижения нарратива, одобряемого КПК и не содержащего критики КНР¹⁹.

¹⁶ McKenzie N., Uhlmann C. ASIO Warned Politicians About Taking Cash from Huang Xiangmo, Chau Chak Wing // The Australian Financial Review. June 5, 2017. URL: <https://www.afr.com/politics/asio-warned-politicians-about-taking-cash-from-huang-xiangmo-chau-chak-wing-20170605-gwktc9> (accessed: 06.04.2024).

¹⁷ Cook M. Australia's Second China Challenge // ISEAS Perspective. 2018 (April 10). No. 20. P. 6. URL: https://www.academia.edu/36373219/Australias_Second_China_Challenge (accessed: 06.11.2023).

¹⁸ Gladys Liu: The Row Over a Trailblazing Chinese-Australian MP // BBC. September 16, 2019. URL: <https://www.bbc.com/news/world-australia-49712187> (accessed: 10.07.2024).

¹⁹ Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 16–17. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence->

В-третьих, авторы проведенных исследований обвинили Пекин во *влиянии на образовательную и научную политику австралийских университетов* с помощью Ассоциации китайских студентов и ученых, являющейся структурой Единого фронта, и финансовых инструментов²⁰. В качестве примера подобной деятельности исследователями приводился следующий факт: в 2019 г. студенты из материкового Китая пришли на студенческую демонстрацию в поддержку демократии в Гонконге в Университете Квинсленда и устроили потасовку, что впоследствии получило высокую оценку генерального консула КНР в Брисбене Сю Цзиэ как патриотическое поведение, направленное против сепаратизма. В правоохранительных органах Австралии отмечали возможность того, что эта акция, как и аналогичные в других кампусах, были скоординированы китайским консульством²¹.

С учетом значимости китайских студентов, оценочно составлявших от 13 до 19 % студентов восьми ключевых австралийских университетов (за исключением Университета Западной Австралии) и Сиднейского технологического университета, и наличия инструментов их мобилизации многие австралийские образовательные учреждения, как отмечалось в исследованиях, опасались выступать с критических по отношению к Китаю позиций. Указывалось также, что бизнесмены Хуан Сянмо и Чау Чак Вин направляли крупные пожертвования в пользу австралийских вузов: Университета Западного Сиднея, Университета Сиднея и Сиднейского технологического университета, в котором был основан выражающий прокитайские взгляды Институт австралийско-

activities-lessons-australia (accessed: 06.04.2024). См. также: (Hamilton, 2018).

²⁰ Schulz T. Power and Influence — Four Corners // Vimeo. June 5, 2017. URL: <https://vimeo.com/279445142> (accessed: 06.04.2024).

²¹ Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 21. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

китайских отношений²². Сообщалось, что недовольство китайских студентов критическими по отношению к КНР материалами на занятиях нередко выливалось в кампании в социальных сетях или административное давление на таких преподавателей из-за протестов дипломатических представительств Китая. Это в свою очередь приводило к самоцензуре и ограничению свободы самовыражения²³.

В-четвертых, Китай обвинялся в *создании совместных с австралийскими учеными научных коллективов для реализации целей КНР*, например по продвижению прокитайских взглядов, осуществлению трансфера знаний и технологий в Китай, а также в экономическом шпионаже. В качестве основного инструмента указывались гранты университетам и исследовательским центрам на проведение целевых исследований, результаты которых впоследствии передавались представителям КНР — например, грантодателям или партнерским организациям²⁴.

²² См.: Babones S. The China Student Boom and the Risks It Poses to Australian Universities // CIS Analysis Paper. 2019 (August). No. 5. URL: <https://www.cis.org.au/wp-content/uploads/2019/08/ap5.pdf> (accessed: 06.11.2023); Cook M. Australia's Second China Challenge // ISEAS Perspective. 2018 (April 10). No. 20. P. 5. URL: https://www.academia.edu/36373219/Australias_Second_China_Challenge (accessed: 06.11.2023); Joske A. The Party Speaks for You. Foreign Interference and the Chinese Communist Party's United Front System // Australian Strategic Policy Institute Policy Brief. 2020. No. 32/2020. P. 23. URL: <https://www.aspi.org.au/report/party-speaks-you> (accessed: 06.04.2024); Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 6–7, 11–12. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024). См. также: (Hamilton, 2018, p. 94).

²³ Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 20–22. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

²⁴ Joske A. Picking Flowers, Making Honey. The Chinese Military's Collaboration with Foreign Universities // Australian Strategic Policy Institute Policy Brief. 2018. No. 10/2018. URL: <https://www.aspi.org.au/report/picking-flowers-making-honey> (accessed: 06.04.2024).

В-пятых, фигурировали обвинения во влиянии на политику австралийских штатов, территорий и муниципалитетов, в особенности в целях заключения выгодных для китайских компаний бизнес-сделок и продвижения обозначенных выше приоритетов на местном уровне. Высказывались опасения, что принятые на местном уровне решения по заключению инвестиционных соглашений с Китаем могли привести к усилению экономического влияния КНР и получению китайскими компаниями доступа к критической физической и телекоммуникационной инфраструктуре из-за рассогласованности местной и федеральной повесток, что, как считается, создает риски для национальной безопасности (Taking the Low Road..., 2022, pp. 5–6, 187). В качестве примеров приводились соглашение 2015 г. об аренде порта Дарвин (который находится недалеко от австралийской военно-морской базы) сроком на 99 лет, подписанное правительством Северной территории с китайской компанией *Landbridge Group*, предположительно связанной с Народно-освободительной армией Китая²⁵, а также соглашения о сотрудничестве между штатом Виктория и КНР в рамках реализации инициативы «Пояс и путь». Оба договора были заключены без консультаций с федеральным правительством (Taking the Low Road..., 2022, pp. 142–146, 202–203).

Таким образом, к концу 2010-х гг. произошла комплексная секьюритизация трансграничных связей с Китаем, который обвинялся в попытках оказать нежелательное влияние не только на австралийскую политику, но и на общество, экономику и информационную сферу.

Последствия риторики вмешательства для внутренней политики Австралии и отношений с Китаем

Вначале будут рассмотрены внутривнутриполитические последствия. После выхода серии ТВ-передач в рамках программы *Four Corners*

²⁵ Wade G. Landbridge, Darwin and the PRC // Australian Strategic Policy Institute. November 9, 2015. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/landbridge-darwin-and-the-prc/> (accessed: 10.07.2024).

Лейбористская партия заявила о том, что больше не будет принимать предвыборные пожертвования от Хуана Сянмо и Чау Чак Вина²⁶. В декабре 2017 г. глава Либеральной партии и ЛНК Малкольм Тернбулл заявил, что сенатор от лейбористов С. Дастъяри продал Австралию, став примером того, как политики принимают средства от китайского правительства и в ответ занимают фактически китайскую позицию²⁷. Спустя несколько дней С. Дастъяри ушел в отставку, а в декабре 2018 г. Хуану Сянмо было отказано в гражданстве Австралии, а его вид на жительство был отозван²⁸. По заявлению австралийской разведки, китайский бизнесмен был замешан в актах вмешательства во внутренние дела Австралии²⁹. В 2018 г. глава Австралийской службы безопасности и разведки (*Australian Security Intelligence Organisation, ASIO*) Дункан Льюис назвал уровень иностранного вмешательства и шпионажа «беспрецедентным», а в 2019 г. охарактеризовал его как «экзистенциальную угрозу»³⁰.

В ходе широкой общественной и политической дискуссии звучали различные точки зрения на проблему вмешательства КНР во внутренние дела Австралии. В результате со стороны австралийского общества и ведущих политических партий был четко сформулирован запрос на повышение прозрачности

²⁶ Tillett A. Chinese Political Influence Sparks Espionage, Foreign Interference Law Changes // The Australian Financial Review. June 6, 2017. URL: <https://www.afr.com/politics/chinese-political-influence-sparks-espionage-foreign-interference-law-changes-20170606-gwl5ue> (accessed: 06.04.2024).

²⁷ Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 9. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

²⁸ Ibid.

²⁹ Joske A. The Party Speaks for You. Foreign Interference and the Chinese Communist Party's United Front System // Australian Strategic Policy Institute Policy Brief. 2020. No. 32/2020. P. 24. URL: <https://www.aspi.org.au/report/party-speaks-you> (accessed: 06.04.2024).

³⁰ Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 34. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

взаимодействия с КНР, а австралийское правительство заявило о разработке законодательства, направленного на противодействие такому вмешательству³¹, став первопроходцем в этой сфере (Medcalf, 2019, p. 109).

В декабре 2017 г. кабинет М. Тернбулла представил на рассмотрение пакет законопроектов, включающий Закон о повышении прозрачности иностранного влияния (*Foreign Influence Transparency Scheme Act 2018*). Нормативно-правовые акты, принятые парламентом Австралии в 2018 г. при сильной поддержке всех ведущих партий, содержат запрет на взносы политическим партиям со стороны иностранных граждан, необходимость регистрации в качестве иностранных агентов для лиц, работающих на иностранное государство и стремящихся оказывать влияние на политику, и предусматривают юридическую ответственность за отказ от регистрации, а также закрепляют определение «иностранного вмешательства» и его криминализацию³². Кроме того, был создан Координационный центр по противодействию иностранному вмешательству в Министерстве внутренних дел и учреждена должность национального координатора по противодействию иностранному вмешательству в целях работы с различными государственными и негосударственными структурами³³.

В марте 2018 г. парламент Австралии принял Закон о безопасности критической инфраструктуры, предполагающий создание единого реестра в 11 сферах, таких как обеспечение электроэнергией, водо- и газоснабжение, транспорт (например, портовая

инфраструктура) и др., и надзор за контролем над этой инфраструктурой. В результате стал возможен пересмотр соглашений в указанных сферах в случае рисков национальной безопасности³⁴. Так, в августе 2018 г. правительство Австралии фактически запретило *Huawei* и *ZTE* участвовать в строительстве сетей 5G, став первой страной, которая ввела подобный запрет (Köllner, 2021, p. 415).

Сменившее кабинет М. Тернбулла в августе 2018 г. правительство Скотта Моррисона от той же коалиции осуществило дополнительные шаги в указанном направлении из-за критики по поводу недостаточности мер, принятых предшественниками. В декабре 2019 г. под руководством представителя ASIO была создана Рабочая группа по противодействию иностранному влиянию, которая объединила ресурсы данной службы, федеральной полиции и иных служб безопасности для осуществления правоохранительных действий в случае подозрений на иностранное вмешательство. В августе 2019 г. была создана Рабочая группа по противодействию вмешательству в университеты, а в июле 2020 г. — Рабочая группа по обеспечению прозрачности выборов³⁵.

Следующим последствием стала инструментализация проблемы китайского вмешательства, прежде всего Либеральной партией Австралии, для получения преимуществ на выборах. Партия использовала ситуацию с С. Дастъяри в политической борьбе и сознательно повышала резонанс этого кейса, сделав сенатора «мальчиком для битья» и называя его «Сычуаньским Сэмом» или «Шанхайским Сэмом». Многие депутаты от

³¹ Cook M. Australia's Second China Challenge // ISEAS Perspective. 2018 (April 10). No. 20. P. 4. URL: https://www.academia.edu/36373219/Australias_Second_China_Challenge (accessed: 06.11.2023).

³² Foreign Influence Transparency Scheme // Australian Government. Attorney-General's Department. URL: <https://www.ag.gov.au/integrity/foreign-influence-transparency-scheme> (accessed: 17.06.2024).

³³ Countering Foreign Interference // Australian Government. Department of Home Affairs. URL: <https://www.homeaffairs.gov.au/about-us/our-portfolios/national-security/countering-foreign-interference> (accessed: 06.04.2024).

³⁴ Security of Critical Infrastructure Act 2018 // Australian Government. URL: <https://web.archive.org/web/20220505075210/https://www.legislation.gov.au/Details/C2022C00160> (accessed: 06.04.2024).

³⁵ См.: Countering Foreign Interference // Australian Government. Department of Home Affairs. URL: <https://www.homeaffairs.gov.au/about-us/our-portfolios/national-security/countering-foreign-interference> (accessed: 06.04.2024); Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 36–37. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

Лейбористской партии, особенно из штата Новый Южный Уэльс, рассматривали такие действия как целенаправленную оппортунистическую и не очень порядочную кампанию со стороны правительства М. Тернбулла с целью приобретения дополнительных очков на выборах. Еще один пример: в упоминавшейся выше предвыборной кампании 2017 г. в округе Беннелонг кандидат от Лейбористской партии Кристина Кенеалли обвинила премьер-министра М. Тернбулла в синофобии и пообещала защищать китайскую диаспору в округе. Несмотря на активную информационную кампанию против кандидата от Либеральной партии Д. Александра, он все же победил на выборах, удержав свое место, но его поддержка снизилась на 4,8 % по сравнению с выборами 2013 и 2016 гг.³⁶

Диаметрально противоположным примером стала публичная критика в адрес депутата от Либеральной — этнической китайки Глэдис Лиу в 2019 г. со стороны Лейбористской партии, члены которой, как сообщалось, называли ее «предателем» из-за ее членства в структурах, связанных с КПК и Единым фронтом. Премьер-министр С. Моррисон назвал это клеветнической кампанией и оскорблением в адрес австралийцев китайского происхождения, а бывший министр обороны Кристофер Пайн — ксенофобской паранойей³⁷.

В то же время, несмотря на ужесточение риторики в отдельных избирательных кампаниях и политической борьбе, кардинальной поляризации политической системы и электората не произошло. Ситуации, подобные описанным выше, происходили преимущественно в случаях наличия кандидатов с четкими анти- и прокитайскими позициями или политиков из числа этнических китайцев, но не были характерны для позиций партий

в целом, даже при условии, что Лейбористская партия считается более прокитайской, а Либеральная — более критически настроенной по отношению к КНР. Вероятно, это связано с тем, что пожертвования со стороны китайских бизнесменов осуществлялись в отношении всех трех ведущих политических партий, а не какой-то одной силы. Вместе с тем сумма пожертвований в пользу ЛНК описывалась даже как бóльшая, чем в пользу Лейбористской партии³⁸, а решение о сдаче в аренду порта Дарвин китайской компании принимало местное отделение Либеральной партии³⁹, тогда как лейбористы выступали против.

Помимо этого, обе партии критиковали друг друга за предполагаемое влияние со стороны КНР и призывали к большей прозрачности связей с Китаем. Сразу после выхода резонансной программы ABC лидер находившейся в оппозиции Лейбористской партии Билл Шортен первым заявил об отказе от дальнейшего взаимодействия с фигурировавшими в расследовании бизнесменами и призвал парламентский комитет по разведке провести расследование касательно прямого и непрямого воздействия внешних сил на выборы, а правительство М. Тернбулла — принять законы, запрещающие подобное вмешательство в будущем⁴⁰. Когда стало известно, что сенатор С. Дастьери на пресс-конференции озвучивал позицию по ЮКМ, кардинально отличающуюся от партийной,

³⁶ Cook M. Australia's Second China Challenge // ISEAS Perspective. 2018 (April 10). No. 20. P. 6–7. URL: https://www.academia.edu/36373219/Australias_Second_China_Challenge (accessed: 06.11.2023).

³⁷ Gladys Liu: The Row Over a Trailblazing Chinese-Australian MP // BBC. September 16, 2019. URL: <https://www.bbc.com/news/world-australia-49712187> (accessed: 10.07.2024).

³⁸ McKenzie N., Uhlmann C. ASIO Warned Politicians About Taking Cash from Huang Xiangmo, Chau Chak Wing // The Australian Financial Review. June 5, 2017. URL: <https://www.afr.com/politics/asio-warned-politicians-about-taking-cash-from-huang-xiangmo-chau-chak-wing-20170605-gwktc9> (accessed: 06.04.2024).

³⁹ Gibson J. Labor Accuses Scott Morrison of 'Encouraging' Darwin Port Lease with Nearly \$20 Million Incentive Payment // ABC News. May 12, 2022. URL: <https://www.abc.net.au/news/2022-05-12/scott-morrison-nt-government-darwin-port-labor-documents/101060900> (accessed: 06.04.2024).

⁴⁰ Tillet A. Chinese Political Influence Sparks Espionage, Foreign Interference Law Changes // The Australian Financial Review. June 6, 2017. URL: <https://www.afr.com/politics/chinese-political-influence-sparks-espionage-foreign-interference-law-changes-20170606-gwl5ue> (accessed: 06.04.2024).

Б. Шортен снял его со всех постов в сенатских комиссиях и заявил об утрате доверия к нему в связи с неверно принятыми сенатором решениями⁴¹. Тем самым позиция Лейбористской партии была также жесткой и направленной на противодействие тому, что воспринималось как иностранное вмешательство.

По результатам всеобщих выборов в Австралии в мае 2022 г. ЛНК потерпела поражение, а лейбористы получили большинство. Во время предвыборной кампании С. Моррисон и другие либералы активно критиковали представителей Лейбористской партии за слишком мягкую позицию по отношению к Китаю и даже за то, что они стоят на стороне Пекина. При этом на деле позиции обеих партий по отношению к КНР по большей части сходятся, а не различаются⁴². В избирательных округах с большой долей этнических китайцев поражение коалиции было более явным. Эксперты связывали это с тем, что премьер-министр С. Моррисон и министр обороны Питер Даттон навязывали разделительные линии по следующей логике: вы или на стороне Австралии, или на стороне Китая. Неудивительно, что многим австралийцам китайского происхождения не понравилась подобная риторика⁴³.

Ключевым последствием для двусторонних отношений стало резкое *ухудшение отношений между Австралией и КНР*. Официальные лица КНР охарактеризовали фигурирующие в журналистском расследовании обвинения как абсурдные и надуманные. Помимо этого, в качестве контрстратегии они

⁴¹ Sam Dastyari Resignation: How We Got Here // ABC News. December 12, 2017. URL: <https://www.abc.net.au/news/2017-12-12/sam-dastyari-resignation-how-did-we-get-here/9249380> (accessed: 10.07.2024).

⁴² Hurst D. Factcheck: The Coalition Says Labor Always ‘Takes China’s Side’, But Are the Parties’ Positions So Different? // The Guardian. April 21, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2022/apr/22/factcheck-the-coalition-says-labor-always-takes-chinas-side-but-are-the-parties-positions-so-different> (accessed: 10.07.2024).

⁴³ Read M. Chinese-Australians Abandon Liberals Over Anti-China Rhetoric // The Australian Financial Review. May 25, 2022. URL: <https://www.afr.com/politics/chinese-australians-abandon-liberals-over-anti-china-rhetoric-20220524-p5ao46> (accessed: 10.07.2024).

стали обвинять австралийское правительство и общество в расовых предрассудках и синюфобии как основных причинах всей кампании против иностранного вмешательства. Посольство КНР в Австралии заявило, что сложившаяся ситуация представляет собой «типичную антикитайскую истерию»⁴⁴. КНР на некоторое время прервала встречи на высшем уровне, и запланированный визит министра иностранных дел Австралии в Китай состоялся только в конце 2018 г. (Köllner, 2021, p. 415). В мае 2018 г. китайская газета *Global Times* охарактеризовала отношения между двумя странами как худшие среди отношений КНР и западных стран⁴⁵. Со стороны китайских чиновников начали поступать сигналы о том, что за подобной антикитайской политикой может последовать бойкот австралийских товаров и ввод ограничений на обучение китайцев в австралийских вузах и посещение страны в туристических целях⁴⁶, а спустя несколько месяцев произошло ужесточение таможенных процедур в отношении австралийского вина и железной руды⁴⁷.

Реакция китайского правительства была расценена Канберрой как неконструктивная и нацеленная на раздувание расового вопроса в самой Австралии⁴⁸, а экономические меры давления только усилили негативное

⁴⁴ Cave D. China Scolds Australia Over Its Fears of Foreign Influence // The New York Times. December 6, 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/12/06/world/australia/china-foreign-influence.html> (accessed: 06.04.2024).

⁴⁵ Canberra’s China Policy Justly Under Fire // Global Times. May 15, 2018. URL: <https://web.archive.org/web/20180515180602/http://www.globaltimes.cn/content/1102433.shtml> (accessed: 06.04.2024).

⁴⁶ Chambers G. Chinese Warnings of Consumer-Led Boycott Over Worsening Relations // The Australian. December 22, 2017. URL: <https://www.theaustralian.com.au/nation/foreign-affairs/chinese-warnings-of-consumerled-boycott-over-worsening-relations/news-story/00558abc6d9011bc8f4ef7e2ed63d70f> (accessed: 06.04.2024).

⁴⁷ Searight A. Countering China’s Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 27–28. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

⁴⁸ Cave D. China Scolds Australia Over Its Fears of Foreign Influence // The New York Times. December 6, 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/12/06/world/australia/china-foreign-influence.html> (accessed: 06.04.2024).

восприятие Китая. Именно проблема вмешательства стала ключевым внутривнутриполитическим фактором, который привел к ухудшению отношения к Китаю в австралийском обществе, эрозии доверия и ужесточению политики Австралии (Köllner, 2021, pp. 413–315; Graham, 2023, p. 22).

Согласно ежегодным опросам общественного мнения *Pew Research Center*, весной 2017 г. 64 % австралийцев выразили положительное отношение к Китаю, и только 32 % — отрицательное. Начиная с 2018 г. четко прослеживается тренд на дальнейшее ухудшение отношения к Китаю: 47 % опрошенных выразили негативное отношение к Китаю в 2018 г., 56 % — в 2019 г. и 81 % — в 2020 г.⁴⁹ (последнее связано уже с неофициальной «торговой войной»).

Похожие результаты, хотя и с несколько менее масштабными изменениями, демонстрирует опрос общественного мнения, проводимый австралийским научно-исследовательским институтом *Lowy Institute*. Согласно его данным, в 2017 и 2018 гг. большинство австралийцев видели в Китае экономического партнера (79 и 82 % соответственно), а не угрозу в сфере безопасности (13 и 12 %). В 2020 г. — уже 55 % оценили Китай как экономического партнера и 41 % — как угрозу в области безопасности, а с 2021 г. стала превалировать оценка Китая как угрозы: 63 % против 34 % респондентов, рассматривающих КНР как партнера. Изменения 2021 г. связываются с охлаждением в политических отношениях и беспрецедентными мерами экономического давления со стороны КНР⁵⁰.

Не менее значимыми для ухудшения австралийско-китайских отношений были и внешнеполитические факторы. Негативная оценка Китая усилилась на фоне нарастания

⁴⁹ Silver L., Devlin K., Huang Ch. Unfavorable Views of China Reach Historic Highs in Many Countries // *Pew Research Center*. October 6, 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/10/06/unfavorable-views-of-china-reach-historic-highs-in-many-countries/> (accessed: 06.04.2024).

⁵⁰ China: Economic Partner or Security Threat // *Lowy Institute Poll*. 2024. URL: <https://poll.lowyinstitute.org/charts/china-economic-partner-or-security-threat/> (accessed: 10.06.2024).

геополитической конфликтности в Индо-Тихоокеанском регионе в целом и ЮКМ в частности. Австралийское руководство связывало обострение обстановки с действиями Китая (создание искусственных островов и размещение на них военной инфраструктуры, отказ принимать вердикт Гаагского арбитражного суда по ЮКМ в 2016 г. и т. д.), что демонстрируется в Белой книге по внешней политике 2017 г.⁵¹ и выступлениях австралийского руководства. Другой причиной роста обеспокоенности вокруг действий Китая как угрожающих безопасности Австралии стало наращивание китайского влияния — экономического, а потенциально политического и военного — в странах Океании, которые Австралия традиционно считала своей сферой влияния (Алешин, 2020, с. 70–72; Köllner, 2021, pp. 412–413).

Безусловно, на ухудшение отношений Австралии и КНР в целом повлиял и переход США к стратегическому соперничеству с Китаем. Австралийская внешняя политика традиционно носит проамериканский характер, а союз между Австралией и США рассматривается австралийской элитой как крайне важный для обеспечения безопасности страны, и Канберра заинтересована в сохранении американоцентричного мирового порядка (Алешин, 2020, с. 67). Однако следует отметить, что начавшееся летом 2017 г. ухудшение отношения к КНР в Австралии из-за событий, которые воспринимались как вмешательство Китая во внутренние дела страны, не было инициировано американской администрацией. Во-первых, переход США к жесткой политике стратегического соперничества с Китаем произошел только с конца 2017 — начала 2018 г., то есть уже после появления риторики о вмешательстве. Во-вторых, отношение австралийской элиты и общества к президенту США Д. Трампу было преимущественно негативным⁵², а какая-либо

⁵¹ 2017 Foreign Policy White Paper // *Australian Government*. 2017. URL: <https://www.fpwhitepaper.gov.au/foreign-policy-white-paper> (accessed: 06.04.2024).

⁵² Согласно опросу общественного мнения *Lowy Institute*, проведенному в марте 2017 г., 60 % опрошенных австралийцев выражали негативное отношение

информация о давлении США по вопросу КНР в публичном поле отсутствует, при том что администрация Д. Трампа не скрывала свое давление на союзников по другим вопросам.

К еще большему ухудшению отношений между Австралией и Китаем привело расследование Всемирной организации здравоохранения о происхождении COVID-19, инициированное правительством С. Моррисона в 2020 г., а также расследование Австралийской антидемпинговой комиссии в отношении ряда китайских товаров (Гарин, 2021, с. 211). КНР ответила на эти расследования широкомасштабными неофициальными экономическими санкциями (Кашин, Пятачкова, Крашенинникова, 2020) и «торговой войной» в отношении австралийских товаров, что привело к серьезной деградации взаимодействия и превалированию негативного восприятия Китая со стороны австралийцев. Китайское экономическое и политическое давление привело только к сплочению австралийского общества и политических кругов по вопросу необходимости противодействия китайскому вмешательству и давлению, причем за это выступали как ЛНК, так и оппозиционная Лейбористская партия⁵³. В 2021 г. Австралия вместе с Великобританией и США стала участником формата оборонного сотрудничества АУКУС (*Australia, United Kingdom, United States (AUKUS)*), что еще больше осложнило отношения с Китаем.

В декабре 2020 г. был принят закон *Foreign Arrangements Scheme*, предусматривающий необходимость согласовывать

с федеральным правительством Австралии соглашения с иностранными державами, заключаемые правительствами штатов и территорий, муниципалитетами, университетами и другими организациями, причем как будущие, так и уже подписанные⁵⁴. В результате начался процесс пересмотра сотен соглашений. Так, например, в апреле 2021 г. было отменено действие соглашений между штатом Виктория и КНР⁵⁵.

На фоне ухудшения отношений с Китаем наступил определенный «перегрев» вопроса иностранного вмешательства, и влияние дискурса о китайском вмешательстве в политические и общественные процессы в Австралии стало выступать объектом критики со стороны ряда политических и общественных деятелей. В августе 2019 г. Кевин Радд, занимавший должность премьер-министра Австралии от Лейбористской партии в 2007–2010 гг. и в 2013 г. и много сделавший для расширения сотрудничества с КНР во время своего пребывания у власти, обвинил Либеральную партию, в особенности бывшего премьера М. Тернбулла и главу парламентского комитета по разведке и безопасности Эндрю Хэсти, в разжигании национальной истерии и проведении антикитайского курса⁵⁶. В июле 2021 г. Д. Льюис, сразу после своего ухода с поста генерального директора ASIO, заявлял о том, что имел место целый ряд случаев чрезмерного раздувания проблемы китайского вмешательства, а в этом случае могут померещиться «шпионы под

к президенту США Д. Трампу. См.: 2017 Lowy Institute Poll // Lowy Institute. URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/2017-lowy-institute-poll#heading-4148> (accessed: 22.06.2024); Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 38. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

⁵³ Searight A. Countering China's Influence Activities: Lessons from Australia // Center for Strategic and International Studies. July 31, 2020. P. 27–29, 38. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-chinas-influence-activities-lessons-australia> (accessed: 06.04.2024).

⁵⁴ Foreign Arrangements Scheme // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. 2020. URL: <https://www.foreignarrangements.gov.au/> (accessed: 06.04.2024).

⁵⁵ Callanan T. What Is China's Belt and Road Initiative and What Were the Four Deals the Federal Government Tore Up? // ABC News. April 22, 2021. URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-04-22/what-was-in-victoria-belt-and-road-deal-with-china/100086224> (accessed: 06.04.2024).

⁵⁶ Doherty B. Kevin Rudd Accuses Liberals of Stirring Up Hysteria About China // The Guardian. August 23, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2019/aug/23/kevin-rudd-accuses-liberals-of-stirring-up-hysteria-about-china> (accessed: 10.07.2024).

каждой кровати», что не соответствует реальности⁵⁷.

Согласно критической оценке, данной директором Института австралийско-китайских отношений Сиднейского технологического университета Джеймсом Лоуренсоном, случаи трансфера чувствительных технологий в КНР в результате совместных исследований значительно преувеличены, а текущий политический климат обуславливает тот факт, любое научное сотрудничество с Китаем все больше воспринимается как токсичное. Это, в свою очередь, наносит ущерб национальным интересам и академическому потенциалу Австралии. Таким образом, получается, что распространение дискурса о вмешательстве КНР во внутренние дела приводит к тому, что КНР все больше позиционируется как угроза, а ограничение связей с Китаем становится главной целью, а не средством реализации задач по ограждению внутренней политики от иностранного вмешательства⁵⁸.

Когда в мае 2022 г. к власти в Австралии пришел лейбористский кабинет Э. Албаниза, новое руководство стало прилагать усилия по нормализации отношений с Китаем. Этому в значительной мере способствовал визит премьер-министра Австралии в КНР в ноябре 2023 г. В то же время стабилизация отношений с Китаем не сопровождается отменой принятых ранее мер по противодействию иностранному влиянию⁵⁹. Дискуссия ведется

⁵⁷ Dziejdzic S. Former ASIO Chief Duncan Lewis Warns Australia Not to 'Inflate' Foreign Interference Threats // ABC News. July 7, 2021. URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-07-07/duncan-lewis-asio-downplays-foreign-interference/100275304> (accessed: 06.11.2023).

⁵⁸ Laurenceson J. Lessons from Chinese Government Interference in Australia // Australia — China Relations Institute. February 14, 2022. P. 1–3. URL: https://www.uts.edu.au/sites/default/files/20220214_ACRI%20Opinion_Lessons%20from%20Chinese%20government%20interference%20in%20Australia_James%20Laurenceson_9DashLine.pdf (accessed: 06.11.2023).

⁵⁹ Crowe D., Bagshaw E. Xi Says China and Australia Have 'Worked Out Some Problems' — But Trust Issues Remain // The Sydney Morning Herald. November 6, 2023. URL: <https://www.smh.com.au/politics/federal/china-hails-new-starting-point-with-australia-as-albanese-meets-xi-20231106-p5ei1i.html> (accessed: 10.07.2024).

скорее вокруг того, каким образом реформировать систему противодействия вмешательству, прежде всего китайскому, для повышения ее эффективности. Совместный парламентский комитет по разведке и безопасности в марте 2024 г. выпустил доклад, в котором подверг критике законодательство, направленное на противодействие иностранному вмешательству, из-за недостаточности мер и проблем с их имплементацией, и призвал пересмотреть и скорректировать действующие законы⁶⁰. Правительство Австралии в ответном письме от июня 2024 г. выразило полное согласие с содержащейся в докладе оценкой ситуации и обязалось провести кардинальные реформы⁶¹.

Заключение

Проведенный анализ позволил продемонстрировать, что именно восприятие Австралией ряда событий как вмешательства Пекина во внутренние дела страны и соответствующие обвинения стали поворотным внутривнутриполитическим событием, которое привело к существенной эрозии доверия, значительному росту негатива в австралийском обществе по отношению к Китаю и запустило процесс ужесточения австралийской политики на китайском направлении. На фоне усиления геополитической конфликтности в АТР отношения КНР и Австралии в сфере безопасности ухудшились, а действия Китая все чаще стали восприниматься в качестве угрозы безопасности.

Вследствие общественно-политического резонанса начиная с 2017 г. наблюдалось повышение внимания австралийского общества и политических партий к проблеме вмешательства со стороны КПК посредством сети

⁶⁰ Knott M. 'The Scheme Has Failed': Landmark Foreign Interference Laws Set for Overhaul // The Sydney Morning Herald. March 27, 2024. URL: <https://www.smh.com.au/politics/federal/the-scheme-has-failed-landmark-foreign-interference-laws-set-for-overhaul-20240327-p5ffom.html> (accessed: 10.07.2024).

⁶¹ Foreign Influence Transparency Scheme // Australian Government. Attorney-General's Department. URL: <https://www.ag.gov.au/integrity/foreign-influence-transparency-scheme> (accessed: 17.06.2024).

организаций Единого фронта. Трансграничные связи с Китаем стали рассматриваться как потенциальные каналы влияния последнего на политические, общественные и экономические процессы в Австралии, которая первой из западных стран разработала специализированное обширное законодательство и создала рабочие группы по противодействию такому влиянию. Другие страны, включая США и Канаду, впоследствии стали опираться на австралийский опыт. Инициативы в сфере инфраструктуры с привлечением китайского капитала послужили объектом подробного рассмотрения, а крупномасштабные инвестиционные и научные проекты с участием Китая де-факто стали считаться нежелательными или как минимум требующими переоценки рисков. Снизилась интенсивность двустороннего образовательного и научного сотрудничества. Таким образом, секьюритизация трансграничных связей обусловила стремительное ухудшение отношений между Канберрой и Пекином.

Исследовательская гипотеза о влиянии Китая на австралийскую политическую систему и внутреннюю политику нашла только частичное подтверждение.

С одной стороны, австралийское правительство действительно оперативно приняло целый спектр мер и создало институциональную структуру по противоборству вмешательству. Налицо и инструментализация проблемы вмешательства для получения электоральных преимуществ не только со стороны находящейся в рассматриваемый период у власти Либеральной партии, но и остальных партий.

С другой стороны, хотя проблема вмешательства и использовалась в политической борьбе, это не носило определяющего характера для большинства избирательных кампаний, и серьезной поляризации политической системы и электората не произошло, как это было в других странах (например, США).

Причины данного феномена заключаются в том, что, в отличие от предполагаемой в теоретических исследованиях модели поддержки какой-то конкретной политической силы со стороны иностранного государства, в изученном кейсе в связях с иностранным государством подозревались представители всех ведущих политических сил в стране. Сыграла роль и позиция Лейбористской партии, которая жестко среагировала на проблеме вмешательства и раскритиковала коалицию за ее нерешительность, по всей видимости, полагая, что мягкость по отношению к этому вопросу могла негативно сказаться на электоральных предпочтениях австралийцев.

Главным итогом стал широкий общественный и межпартийный консенсус по поводу необходимости повышения надзора за связями с КНР. Важно подчеркнуть, что к принятию законодательства, запрещающего иностранное вмешательство, в особенности воздействие на выборы, призывали не только ЛНК, но и находившаяся в 2017 г. в оппозиции Лейбористская партия.

Показательность австралийского кейса заключается в том, что либерально-демократическая система, которая рассматривается как наиболее уязвимая к иностранному вмешательству, наоборот, консолидировалась на антикитайской основе и продемонстрировала жесткую реакцию на предполагаемое вмешательство. Таким образом, пример Австралии подтверждает утвердившиеся в литературе выводы о дестабилизирующем влиянии обвинений во вмешательстве на межгосударственное взаимодействие, а также о политизации и инструментализации политиками этой темы. При этом он опровергает представление о поляризующем воздействии этого вопроса на внутреннюю политику, показывая, что он, напротив, может способствовать формированию внутриполитического консенсуса на почве борьбы с государством, которое воспринимается как внешний враг.

Поступила в редакцию / Received: 14.03.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 12.06.2024
Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

Библиографический список

- Алешин А. А. Внешнеполитическая стратегия Австралии: средняя держава в высококонкурентной среде // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 2. С. 63–75. <https://doi.org/10.20542/afj-2020-2-63-75>; EDN: BFFAXV
- Гарин А. А. Актуальные проблемы австралийско-китайских отношений: диверсификация торговли и критическая инфраструктура Австралии под управлением КНР // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Т. 1, № 1. С. 207–219. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-207-219>; EDN: RJXVLL
- Истомин И. А. Иностранное вмешательство во внутренние дела: проблематизация сущностно неопределимого концепта // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 120–137. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.02.09>; EDN: CRNPDК
- Кашин В. Б., Пятачкова А. С., Крашенинникова Л. С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 2. С. 123–138. EDN: DXBKYE
- Сучков М. А. Иностранное вмешательство как форма межгосударственного противоборства: типы и мотивы // Полис. Политические исследования. 2024. № 3. С. 8–23. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.03.02>; EDN: ZLHUCK
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers Inc, 1998.
- Dowling M. E. Democracy Under Siege: Foreign Interference in a Digital Era // Australian Journal of International Affairs. 2021. Vol. 75, iss. 4. P. 383–387. <https://doi.org/10.1080/10357718.2021.1909534>
- Graham E. Australia's Security in China's Shadow. Abingdon and New York : Routledge, 2023. <https://doi.org/10.4324/9781003426028>
- Hamilton C. Silent Invasion: China's Influence in Australia. Richmond, Australia : Hardie Grant Books, 2018.
- Istomin I. A. Military Deterrence vs Foreign Interference: Record of the Cold War // MGIMO Review of International Relations. 2023. Vol. 16, no. 1. P. 106–129. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-olf4>; EDN: YRAXWG
- Istomin I. A. How Not to Interfere in Another Country's Domestic Politics // International Affairs. 2022. Vol. 98, no. 5. P. 1677–1694. <https://doi.org/10.1093/ia/iiacl91>
- Köllner P. Australia and New Zealand Recalibrate Their China Policies: Convergence and Divergence // The Pacific Review. 2021. Vol. 34, no. 3. P. 405–436. <https://doi.org/10.1080/09512748.2019.1683598>
- Levin D. H. Meddling in the Ballot Box: The Causes and Effects of Partisan Electoral Interventions. Oxford : Oxford University Press, 2020. <https://doi.org/10.1093/oso/9780197519882.001.0001>
- Medcalf R. Australia and China: Understanding the Reality Check // Australian Journal of International Affairs. 2019. Vol. 73, iss. 2. P. 109–118. <https://doi.org/10.1080/10357718.2018.1538315>
- Taking the Low Road: China's Influence in Australian States and Territories / ed. by J. Fitzgerald. Barton, ACT : Australian Strategic Policy Institute, 2022.
- Tomz M., Weeks J. L. P. Public Opinion and Foreign Electoral Intervention // American Political Science Review. 2020. Vol. 114, iss. 3. P. 856–873. <https://doi.org/10.1017/S0003055420000064>
- Wohlforth W. C. Realism and Great Power Subversion // International Relations. 2020. Vol. 34, no. 4. P. 459–481. <https://doi.org/10.1177/0047117820968858>

Сведения об авторе:

Киреева Анна Андреевна — кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения; старший научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 3248-3223; ORCID: 0000-0002-0376-9734; e-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru